

УДК 323.1 (477:439) (091) «1939/1944»

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНА ЖИЗНЬ НАСЕЛЕННЯ ЗАКАРПАТТЯ В 1939-1944 ГГ. В СВЕТЕ ДОКУМЕНТОВ ВЕНГЕРСКИХ ПОЛИЦЕЙСКИХ ОРГАНОВ

Казак О. Г. (Минск)

В статье рассматриваются различные аспекты национально-культурной жизни Закарпатья периода венгерского господства (1939-1944 гг.). Основным видом источников являются документы венгерских полицейских органов, обнаруженные в фондах Венгерского национального архива. Подробно проанализирована деятельность потенциально опасных для венгерских властей элементов (украинофилов, русофилов, коммунистов и др.).

Ключевые слова: национально-культурная жизнь, Закарпатье, полиция, украинофилы, русофилы.

В межвоенный период, когда Закарпатье являлось частью Чехословакии, интеллигенция региона получила относительную свободу в выражении своих идей. В результате на суд общественности было предложено несколько моделей национальной идентичности местного восточнославянского населения, которые, при определенной доле упрощения, можно определить как русофильскую, украинофильскую и русинофильскую. После поэтапного включения территории Закарпатья в состав Венгрии (ноябрь 1938 г. - март 1939 г.) новые власти сделали ставку на поддержку локальной формы русинской идентичности в противовес украинскому или русскому национальным проектам. В такой ситуации органы полиции и жандармерии тщательно следили за

действиями потенциально ненадежных элементов. Документы этих структур являются уникальным источником для изучения национально-культурной жизни восточнославянского населения Закарпатья.

Публикация материалов полицейских органов Венгрии, в которых шла речь о ситуации в Закарпатье, началась еще в советское время. Среди подобных документальных собраний следует отметить сборник «Дорогой Октября: борьба трудящихся Закарпатья за национальное и социальное освобождение и воссоединение с Советской Украиной» [8], а также археографическую публикацию В. Мисюры в «Украинском историческом журнале» за 1959 г. [2]. Очевидными недостатками данных работ являются тенденциозная подборка документов, акцентирование внимания исключи-

тельно на комуністических і просоветских настроєнях жителєв Закарпаття. В болєе поздний перїод документи поліцейских структур в своїх монографїях органічно іспользовали А. Пушкаш [7], Й. Ботлик [9], Ч. Федїнец [11] і др. Напрїмер, Ч. Федїнец в своїй роботє «Возвращенное к Венгерской Святой Короне Подкарпатьє» в 1938-1944 гг.» на обшїрном фактїческом матеріалє, в который входят і документи органов государственной безопасности, продемонстрїровала различїя между официальной пропагандой, проникнутой радостью по случаю присоединения Закарпаття к Венгрии, и реальным положением дел. Следует особо отметить статью Г. Неце «Подкарпатьє в свете отчетов органов государственной безопасности» [38], в которой общественная и культурная жизнь края осмысляются сквозь призму данного массива источников. Кроме того, в работе историка представлена полная информация о структуре и соподчиненности венгерских органов безопасности в Закарпатьє. В этой связи не будем подробно останавливаться на технической стороне деятельности полицейских органов, а проанализируем их материалы на предмет важных сведений о национально-культурном ландшафте региона. **Целью** статьи, таким образом, является характеристика обстановки в Закарпатьє периода венгерского господства во всей ее сложности на основе документов полицейских органов, обнаруженных, главным образом, в фондах Венгерского национального архива.

Приверженцы А. Волошина, экс-главы автономного правительства Карпатской Украины, а также все проукраински настроенные жители края являлись для властей Венгрии ненадежными элементами. В ноябре 1942 г. ужгородский пограничный капитанат подготовил отчет о деятелях украинского движения региона. Был установлен факт переписки А. Волошина, который на тот момент проживал в Праге, с жителями Закарпаття. Интересно, что в установленных категориях лиц, которые контактировали с Волошиным, кроме традиционных приверженцев украинской идеи (например, части греко-католического духовенства и монахов-василиан) упоминались активисты «Подкарпатского общества наук» [33, о. 175]. Данная структура, активно пользовавшаяся поддержкой венгерских властей, в качестве цели своей деятельности декларировала развитие самобытной русинской культуры, разработку отдельного литературного языка [1, с. 93-94]. В деятельности общества, однако, принимали участие многие украинофилы. По точному замечанию Н. Мушинки, после присоединения Закарпаття к СССР целая генерация писателей (например, Л. Демьян, А. Маркуш, Н. Ришко, В. Пипаш), действовавших в русле

официального венгерского идеологического курса, органично влилась в украинскую советскую литературу [3, с. 49]. В отчете ужгородского капитаната фиксировалась деятельность нескольких десятков участников украинского движения, как тех, которые после возвращения региона в состав Венгрии не проявляли активности, так и менее благонадежных (Ю. Бращайко, Ф. Ревая, братьев Климпушей и др.). Так, согласно отчету, житель Хуста Ф. Ревай «вел конспиративную агитацию в духе украинофильства». В июле 1941 г. он попросил разрешение на выпуск календаря на украинском языке, но был задержан сотрудниками хустского отделения полиции «за антивенгерские выступления». При обыске у Ревая были обнаружены письма, в которых шла речь о «присоединении Подкарпаття к Великой Украине», а также книги на немецком языке, в которых регион был отмечен как «часть независимой Великой Украины» [33, о. 190-192]. В отчете нашли отражения и проявления украинских симпатий на бытовом уровне. Так, Д. Климпуш на одном из торжеств, устроенных в его доме в Ясинях, поднял тост «за украинско-венгерскую дружбу». Участвовавший в застолье лесник мадярофильских взглядов заявил, что «пьет за русинско-венгерскую, а не за украинско-венгерскую дружбу», чем спровоцировал конфликт с Климпушем [33, о. 186]. Бывший секретарь А. Волошина, а с 1939 г. – учитель в с. Убля Л. Лацанич обвинялся даже не в украинских симпатиях, а в «тайных попытках навязать русинскому населению славянское национальное сознание». Лацанич убеждал родителей отдавать детей в русинские, а не венгерские школы, призывал сельского нотариуса говорить не на венгерском, а на русинском языке, на школьных праздниках «не упоминал о святостефанской идее» [33, о. 187-188].

Полицейские органы внимательным образом отслеживали деятельность учителей украинофильских взглядов, сумевших сохранить за собой рабочее место после установления венгерского господства в Закарпатьє. Например, согласно данным полиции Мукачева, учительница местной школы А. Хашшай «говорила венгерским детям, что они не венгры, а украинцы», сурово наказывала учеников за общение на венгерском языке, «хотя и знала венгерский язык, никогда не сказала на нем ни слова» [36]. В сентябре 1941 г. в Мукачево были задержаны три ученика с проукраинскими симпатиями, при обыске у них были обнаружены книги соответствующего содержания [31, о. 1016].

Начиная с апреля 1941 г. полиция Ужгорода фиксировала слухи о создании на отторгнутых в будущем Германией у СССР территориях независимого украинского государства, к которому будет присоединено и Закарпатьє. Эти слухи, согласно отчету, распространяли «ненадежные

с венгерської національної точки зору русини с українськими симпатіями і бывшіє сичевіки. Любопытно, что в данном отчете отмечалось, что из сотрудников полиции, которые отслеживали данную ситуацию, «никто не говорил на русинском, русском, словацком или чешском языках» [34, о. 141]. Разговоры о создании независимого украинского государства под протекторатом Германии активизировались в первые месяцы после начала войны Германии с СССР. Однако полицейские органы в то время не преувеличивали опасность данных настроений. Так, деятельность связанного с немецкими спецслужбами жителя Словакии М. Тулека, который ранее был приближен к правительственным кругам Карпатской Украины, характеризовалась нейтрально. По мнению сотрудника органа безопасности, целью Тулека являлся сбор сведений о представителях интеллигенции с украинофильскими симпатіями, которые были готовы в случае построения «Великой Украины» покинуть Закарпатье, дабы занять должности в новой администрации [35, о. 154]. Вывод автора доклада о том, что территория Закарпатье не рассматривалась украинскими националистами в качестве территории будущего государства [35, о. 154], не соответствует действительности. Об этом свидетельствует множество документов. Например, в первой половине 1942 г. в одном из изданий ОУН (Б) вышла программно-аналитическая статья «Политическое и экономическое значение Карпатской Украины». Неизвестный автор, предлагая присоединить территорию региона к будущему украинскому государству, подчеркивал его очень выгодное геополитическое положение для установления культурных, экономических и политических контактов Украины со странами Балканского региона [6, с. 74].

В 1942 г. по украинскому движению в Закарпатье был нанесен существенный удар. Согласно донесению начальника полиции в Ужгороде, за второй квартал 1942 г. было арестовано 150-200 украинофилов, за третий квартал – еще 130 человек, которые в общей сложности были приговорены к 221 году тюрьмы [7, с. 358-359]. Тем не менее, украинские симпатіи в регионе продолжала разделять часть населения. По информации полиции Ужгорода, «несмотря на приостановку раскрытого в Подкарпатье украинского движения, здесь до сих пор есть значительное количество воспитанных в украинском духе молодых учителей, которые пользуются популярностью у учащихся» [32, о. 993].

Не меньшее внимание органов государственной безопасности привлекали приверженцы русофильских идей. Фиксировались малейшие проявления подобных симпатіи на бытовом уровне. Сотрудник полиции Марамарош-Сигета в мае

1943 г. отмечал, что восточнославянское население «демонстрирует сильную солидарность с русскими, что выражается в том, что оно называет себя не рутенами или русинами, а русскими». Один из пассажиров поезда «Рахов – Ясиня» в присутствии венгерских солдат заявил: «Замолчите, здесь Россия, а не Венгрия!» [37, о. 859]. 30 марта 1939 г. учитель из с. Росвигова Л. Йобак во время застолья заявил, что «является русским», так как «его мать говорила только на этом языке», а также утверждал, что «территория Подкарпатье – русская территория, венгры уважают и любят русских». При этом учитель демонстрировал свидетельство, согласно которому он являлся доверенным лицом С. Фенцика – депутата нижней палаты венгерского парламента, одного из лидеров русофильского движения в регионе [13].

Учителя-русофилы представляли для венгерских властей не меньшую угрозу, чем их коллеги с проукраинскими взглядами. Например, православный по вероисповеданию учитель хустской гимназии Ф. Кешеля характеризовался как «ненадежный с венгерской национальной точки зрения человек, который симпатизирует великорусским идеям». С учениками он говорил только по-русски, запрещал петь венгерские песни. Кешелю, а также учителей-украинофилов автор полицейского отчета настоятельно рекомендовал перевести на работу во внутренние районы Венгрии [16, о. 2].

Значительная часть русофильской интеллигенции региона, группировавшаяся вокруг партии «Автономный земледельческий союз» (далее – АЗС) и ее лидера А. Бродия, в межвоенный период активно добивалась присоединения региона к Венгрии. Однако после марта 1939 г. эти деятели выступали с критикой национально-культурного курса венгерских властей по поддержке локальной русинской идентичности и утверждали, что естественной для населения региона является ориентация на «высокую» русскую культуру. В отчетах полицейских органов часто критиковалось содержание газеты А. Бродия «Русская правда». Оппозиционный в отношении венгерского правительства характер статей объяснялся нереализованными амбициями Бродия, а также составом редакционной коллегии: Г. Барань ранее выступал на пражском радио, Л. Татинец был членом Чешской аграрной партии, еще два редактора являлись эмигрантами из России [20]. Органы государственной безопасности активно ходатайствовали о высылке из страны Могилевича – одного из сотрудников редакции газеты Бродия, русского эмигранта [38, о. 125]. Сам Бродий, будучи депутатом парламента, достаточно длительное время находился в Будапеште. Согласно отчетным документам полицейских органов, русофильский лидер вел довольно расточительную жизнь: постоянно брал в аренду автомобиль, совершал

дорогие покупки (персидские ковры, фарфор, стекло), часто посещал театры [21]. Глава партии «Русская национально-автономная народная партия» С. Фенцик активно конкурировал с Бродием за лидерство в русофильском политическом спектре Закарпатья. В межвоенный период Фенцик так же, как и Бродий, действовал в интересах венгерского ревизионизма. Интересно сравнение двух ведущих русофилов края, подготовленное спецслужбами Венгрии для Министерства иностранных дел в 1937 г.: «Бродий хорошо одевается, часто ездит на автомобиле, передвигается медленно. Фенцик – эффектный демагог, часто ходит пешком, носит бороду» [10, о. 42]. Имидж ведущих политиков края был рассчитан на то, чтобы распространить идею венгерского ирредентизма на максимально широкую аудиторию.

Особое беспокойство у венгерских властей вызывали контакты Бродия и его окружения с представителями эмиграции в США и Югославии. В декабре 1939 г. полиция Ужгорода сообщала о возможной договоренности Бродия и одного из лидеров русофильской русинской эмиграции в США А. Геровского относительно секретной поездки в СССР (Москву или Львов) [14]. Один из приближенных Бродия – Г. Барань – в апреле 1940 г. посещал Югославию, где встречался со студентами-активистами из Закарпатья, которые, согласно отчету, «пользовались поддержкой местных православных кругов». Студент М. Бобуски и секретарь Югославского карпатурского общества Павлович, по замечанию сотрудника полицейского ведомства, «были настроены резко антивенгерски». Еще одним молодежным лидером являлся студент из Закарпатья Реберко, вокруг которого группировались «очень воинственные молодые люди», «стоявшие на русской националистической и культурной платформе», но при этом являвшиеся приверженцами возвращения региона в состав Чехословакии. Барань встречался также с бывшими русскими офицерами, которые перебрались в Югославию после октябрьской революции [15, о. 188]. Контакты с эмигрантскими кругами поддерживал и С. Фенцик. Сотрудник военного кабинета Венгрии А. Доболци, которому было поручено следить за Фенциком, сообщал, что видел его 12 сентября 1939 г. в обществе двух журналистов из США, выходцев из Закарпатья, которые представляли христианское направление. Позднее к ним присоединился младший брат П. Врангеля, лидер царской эмиграции во Франции [7, с. 320].

Потенциально опасными считались также эмигранты, покинувшие Россию в результате гражданской войны. В качестве примера можно привести личность Л. Ковай. Он родился в 1912 г. в Санкт-Петербурге, но в 1921 г. вместе с матерью и отчимом – военнотружачим армии Австро-

Венгрии, который во время Первой мировой войны попал в плен, – переехал в венгерский город Ходмезевашархей. В 1938 г. Ковай окончил университет в Сегеде, после чего стал работать учителем в ужгородской гимназии. Там он при поддержке А. Бродия издавал газету и листовки на русском языке, пропагандировал в среде учеников русофильские идеи. Однако уже к концу 1938 / 1939 учебного года выпуск печатной продукции прекратился, так как Бродий «потерял к ней всякий интерес» [26, о. 646]. После начала войны Германии и СССР русские эмигранты, проживающие в Закарпатье, были взяты под особый контроль. Впрочем, согласно полицейским сводкам, какой-либо угрозы общественной безопасности они не представляли: «пропаганды не вели и считали, что войска Германии и ее союзников освобождают их родину от «красного ярма» и приближают их время возвращения домой» [32, о. 994].

Коммунистические и просоветские настроения были довольно широко распространены в Закарпатье, причем среди представителей как русофильской, так и украинофильской национально-языковой ориентации. Историк Р. Официнский, исследовавший вопрос нелегального перехода советско-венгерской границы, пришел к выводу, что большинство жителей региона, которые искали лучшей доли в СССР, придерживалось украинофильских взглядов (соотношение между украинофилами и русофилами он определил как 4:1) [5, с. 54-55]. Документы полицейских органов подтверждают факт приверженности коммунистическим идеям представителей различных идеологических лагерей. Например, работники лесной службы с. Немецкой Мокрой разделяли украинские симпатии и в то же время «постоянно слушали коммунистические новости из России, были связаны с соответствующими организациями» [22, о. 218]. Директор мукачевской гимназии Н. Драгула, напротив, являлся поборником русофильских и панславистских идей. Согласно полицейскому отчету, «с его молчаливого согласия ученики носили головные уборы русского образца, рисовали на стенах советские звезды и писали коммунистические лозунги». Драгула якобы хорошо знал о том, что многие гимназисты осенью 1939 г. собирались бежать в СССР, но не помешал этому [23].

Романтизированные представления жителей Закарпатья о советском общественном строе часто резко контрастировали с действительностью. Беженцы, которые различными путями сумели вернуться из СССР в Закарпатье, отмечали, что «их надежды на светлое будущее не оправдались». В результате у многих из них «антигосударственное восприятие сменилось на провенгерское, господствующей у них стала святостефанская идея» [31, о. 1009]. Вернувшийся из СССР житель

с. Колочавы А. Дербак сообщал, что после перехода границы он был задержан представителями советских пограничных служб и арестован. Дербак жаловался на очень плохое отношение, отсутствие нормальной еды [24, о. 77]. Среди возвращавшихся из СССР беженцев могли быть советские агенты, что тщательно отслеживалось и проверялось службами государственной безопасности [38, о. 139].

13 октября 1939 г. в ряде местностей Закарпатья были распространены листовки на русском языке «Забытый народ Карпатской Руси». Материалы следствия по данному делу говорят о сложности национально-культурного ландшафта Закарпатья. Сотрудники полиции сделали вывод о маловероятности того, что авторами листовки могли быть следующие категории лиц: местные русофилы (так как они не пользовались новой фонетикой русского языка из-за ее «большевистского происхождения»); украинофилы и бывшие сичевики (так как в то время поступали сведения о преследованиях на территории Галиции приверженцев создания независимой Украины); бывшие члены Коммунистической партии Чехословакии (так как они практически не использовали русский язык в своей печатной продукции). Высказывалась гипотеза о том, что эта листовка, созданная людьми, разделявшими русофильские и коммунистические идеи, могла поступить в регион из СССР. Далее, однако, приводилась характеристика лиц, причастность которых к данному делу не исключалась. Студенты из Праги, члены «Общества дружбы с СССР» И. Шандор и М. Феер «разделяли великорусские идеи, являлись активными членами партии Фенцика, однако в то же время являлись приверженцами коммунизма». Житель с. Нижнего Селища Я. Андрийцо в 1933-1934 гг. обучался в СССР на курсах агитаторов, позже продолжал коммунистическую деятельность в Чехословакии. Во время режима Волошина, однако, Андрийцо присоединился к украинскому движению, вступил в «Карпатскую Сичь». В его планы входил захват вооружения Сичи в целях использования для нужд коммунистического движения [17, о. 267-273]. О том, что многие приверженцы русофильских идей С. Фенцика переходили на коммунистические позиции, известно и из других отчетов полицейских органов [25]. Важно отметить, что и Фенцик, и Волошин в своих программных статьях и выступлениях позиционировали себя как ярые противники коммунизма и советского строя.

Для венгерских властей опасность представляли приверженцы не только крайне левого, но и крайне правого политического спектра, в частности, пронацистской националистической «Партии скрещенных стрел». Ее деятельность неоднократно запрещалась и вновь легализо-

вывалась венгерским правительством. О работе данной партии в Закарпатье имеется мало сведений. В октябре 1940 г. общественно-политические деятели региона, в большинстве своем придерживавшиеся украинофильских идей (А. Лавришин, Н. Бандусяк, А. Ворон, Ф. Ревай, Н. Лацанич и И. Горват), встретились с лидером партии Ф. Салаша в ресторане «Гало» (Будапешт). В подготовленном меморандуме представители интеллигенции региона требовали широкой автономии для Закарпатья, удовлетворения культурных запросов населения. Салаша указал на естественное доминирование венгров в Карпато-Дунайском регионе, а также назвал русинов отдельным народом, а не частью русских или украинцев, чем вызвал недовольство украинофила А. Ворона. Только во время второй встречи (5 ноября 1940 г.) был подписан договор о сотрудничестве между Ф. Салаша, с одной стороны, и Ф. Реваем, Н. Бандусяком, А. Лавришиным, с другой [4, с. 161-162]. Материалы полицейских органов, однако, дают более широкую информацию о данном движении в Закарпатье. 23 июля 1939 г. будапештское руководство «Партии скрещенных стрел» во главе с К. Гуйбайи, Л. Сечени, депутатами Керекешем и Прелле, молодежными лидерами движения Гечке и Эрдеи посетило Будапешт, где встретилось со С. Фенциком и двумя другими русофилами – С. Станканинцем и А. Шпеником. В ужгородском ресторане данные лица обсудили программные документы движения, в частности, опубликованную в марте 1939 г. депутатом К. Рацем брошюру «Чего хотят нилашисты». Пропагандистская работа среди русинского населения была возложена на Фенцика и его приближенных [12, о. 1]. Активное участие в партийном строительстве края принимал выходец из Закарпатья, студент Печского университета И. Ковач. Он, будучи убежденным русофилом, поддерживал контакты со С. Фенциком [28]. К одному из полицейских отчетов было приложено письмо Ковача будапештскому партийному руководству. В нем представлено типичное для русофилов видение национально-культурной ситуации в крае: «Мы намерены следовать традициям, основы которым заложили писатели и поэты прошлого века, такие как Духнович, Павлович, Попрадов-Ставровский, Сильвай, Лучкай, Фенцик, и которые последние 20 лет в поэтическом и литературоведческом аспектах подавлялись. Эти люди всегда выступали за единство с другими восточнославянскими народами и проповедовали их культурное единообразие. Мы не хотим, чтобы из нашего народа создавали отдельную национальность, самостоятельную культуру, которая не имеет ничего общего с живущими за Карпатами родственниками по крови» [29, о. 17]. При этом Ковач выступал за сохранение Закарпатья в составе Венгрии на условиях широкой автономии [29, о. 17-18].

19]. Таким образом, в нилашистском движении принимали участие как украинофилы, так и русофилы. Деятельность «Партии скрещенных стрел» в регионе, однако, не была существенной. Например, в полицейском отчете за 1 квартал 1942 г. отмечалось, что в Хустском округе «деятельность нилашистов была незначительной, ограничивалась формой дружеских бесед, они не проводили общественной работы» [32, о. 999]. Деятельность нилашистской группы в с. Середнем ограничилась тем, что ее члены «разбили окна в домах нескольких еврейских семей» [30, о. 977].

Часто информация об антивенгерских настроениях в Закарпатье доходила до Будапешта в искаженном и гиперболизированном виде. Сотрудники политического отдела полиции Будапешта в своем отчете для Министерства внутренних дел в июне 1940 г. сообщали, что из секретных источников получали информацию о массовом бегстве учащейся молодежи из Закарпатья в СССР. Они якобы писали письма С. Фенцику, в которых положительно характеризовали условия пребывания на советской территории. В отчете также говорилось о массовом распространении в регионе листовок коммунистического содержания, а также о вандализме на могиле И. Бокшая – греко-католического священника и депутата венгерского парламента, который, по данным будапештской полиции, «очень грубо обращался с русинами». Согласно отчету, «труп Бокшая откопали и изуродовали» [18]. Полиция Ужгорода была вынуждена пояснить Министерству внутренних дел ситуацию в регионе. Факт переписки бежавшей в СССР молодежи с Фенциком был опровергнут. Частота появлений в крае коммунистических листовок была оценена как эпизодическая. Что касается порчи могилы Бокшая,

то она действительно имела место, но речь шла лишь о незначительном повреждении памятника [19].

В литературе описано множество примеров того, как представители интеллигенции Закарпатья меняли свои убеждения и национально-языковые предпочтения в зависимости от политической конъюнктуры. Были, однако, и прямо противоположные случаи. В качестве примера можно привести дело помощника нотариуса с. Среднего Водяного М. Богосты. Согласно отчету полиции Ужгорода, он «часто менял свои политические взгляды, практически всегда был недоволен властью. В чешскую эпоху он восхвалял венгров, в украинскую – чехов. После возвращения Подкарпатья поддерживал контакты с украинофилами. Богоста открыто возбуждал среди русинов антивенгерские настроения. В своем учреждении говорил только по-русински, хотя в том селе проживали также представители румынской национальности. В июле он сделал следующее заявление: «Венгрия – грязная страна. Эта земля не будет землей немцев, валахов или венгров, но будет русской землей, и это произойдет скоро»». Богоста подозревался в шпионаже в пользу СССР [27].

Таким образом, документы венгерских полицейских органов содержат важнейший пласт информации об общественной жизни в Закарпатье в 1939-1944 гг. В данных материалах проиллюстрированы опасения венгерских властей к приверженцам русофильских и украинофильских идей, а также к носителям крайне левой и крайне правой идеологий. Проанализированные документы существенно дополняют и уточняют сложившиеся в историографии представления о национально-культурной обстановке в регионе.

1. Казак О. Г. Культурно-просветительские организации Подкарпатской Руси в национальной политике венгерских властей (1939-1944 гг.) / О. Г. Казак // Российские и славянские исследования: Сборник научных трудов / Под ред. О. А. Яновского, А. П. Салькова. – Вып. 10. – Минск, 2015. – С. 91-98.
2. Місюра В. П. Відгуки на Закарпатті на воз'єднання Західної України з Радянською Україною / В. П. Місюра // Український історичний журнал. – 1959. – № 5. – С. 117-126.
3. Мушинка М. «Світлий дух Угорської Русі»: До 120-ліття з дня народження Гядора Стрипського / М. Мушинка // Карпатський край. – 1995. – № 1-4. – С. 45-50.
4. Офіцинський Р. Політичний розвиток Закарпаття у складі Угорщини (1939-1944) / Р. Офіцинський. – Київ: Інститут історії України НАН України, 1997. – 244 с.
5. Офіцинський Р. Нелегальний перехід угорсько-радянського кордону в 1939-1941 роках / Р. Офіцинський. – Ужгород: Studia Carpathica, 1993. – 70 с.
6. Пагіря О. Між війною та миром: відносини між ОУН і УПА та збройними силами Угорщини (1939-1945) / О. Пагіря. – Торонто; Львів: Видавництво «Літопис УПА», 2014. – 584 с.
7. Пушкаш А. И. Цивилизация или варварство: Закарпатье в 1918-1945 гг. / А. И. Пушкаш. – Москва: Европа, 2006. – 564 с.
8. Шляхом Жовтня: боротьба трудящих Закарпаття за національне і соціальне визволення та воз'єднання з Радянською Україною: Збірник документів / Голова ред. комісії В. І. Белоусов. – Т. 5 (1938-1944 рр.). – Ужгород: Карпати, 1967. – 519 с.
9. Botlik J. Egestas Subcarpathica: adalékok az Északkeleti-Felvidék és Kárpátalja 19–20. századi történetéhez / J. Botlik. – Budapest: Hatodik Síp Alapítvány, 2000. – 318 old.

10. Brenzovics L. Nemzetiségi politika a visszacsatolt Kárpátalján 1939-1944 / L. Brenzovics. – Ungvár: Kárpátaljai Magyar Kulturális Szövetség, 2010. – 204 old.
11. Fedinec C. «A Magyar Szent Koronához visszatért Kárpátalja» 1938-1944 / C. Fedinec. – Budapest: Jaffa Kiadó, 2015. – 250 old.
12. Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára (дали – MNL OL). – F. K 149. – 209. cs. – 1939. – 6. t. – O. 1-2. – A m.kir. rendőrség ungvári kapitányságnak jelentés Belügyminisztérhez. Tárgy: «A nyilaskeresztes párt szervezkedése Ungváron» (1939.07.27).
13. MNL OL. – F. K 149. – 210. cs. – 1939. – 8. t. – 5801. alapszámtól végig. – Old. 1. – M.kir. rendőrség munkácsi kapitányságnak jelentés (1939.03.31).
14. MNL OL. – F. K 149. – 214. cs. – 1940. – 1. t. – Old. 11. – M.kir. ungvári határvidéki kapitányságnak jelentés Belügyminisztériumhoz (Közbiztonsági Osztály). Tárgy: «Gierowszki Alexej pánszláv tevékenysége» (1939.12.21).
15. MNL OL. – F. K 149. – 214. cs. – 1940. – 1. t. – Old. 187-190. – A m.kir. rendőrség politikai rendészeti osztályának (Budapest) jelentés Belügyminisztérhez. Tárgy: «Bizalmas bejelentés kárpátaljai egyénekről» (1940.05.13).
16. MNL OL. – F. K 149. – 214. cs. – 1940. – 1. t. – Old. 2-3. A m.kir. csendőrség nyomozónak jelentés Belügyminisztérhez. Tárgy: «Keselya Ferenc tanár magatartása» (1940.05.01).
17. MNL OL. – F. K 149. – 214. cs. – 1940. – 1. t. – Old. 267-284. – A m.kir. csendőrség nyomozó osztályparancsnokságnak (Budapest) jelentés Belügyminisztériumhoz (Közbiztonsági Osztály). Tárgy: «Kárpátalja kommunista röpiratszórás és a Szovjetunióba történt kiszökések nyomozásáról összesítő jelentés» (1939.11.24).
18. MNL OL. – F. K 149. – 214. cs. – 1940. – 1. t. – Old. 331. – M.kir. rendőrség politikai rendészeti osztálya (Budapest) jelentés Belügyminisztérhez (1940.07.04).
19. MNL OL. – F. K 149. – 214. cs. – 1940. – 1. t. – Old. 333. – Határvidéki m.kir. rendőrkapitányságnak (Ungvár) jelentés Belügyminisztériumhoz (Közbiztonsági Osztály). Tárgy: «Bolszeviki mozgalom Kárpátalján» (1940.09.07).
20. MNL OL. – F. K 149. – 221. cs. – 1940. – 8. t. – 5001-8000. alapszám. – Old. 88. – Hatarvideki m.kir. rendőrkapitányságnak (Ungvár) jelentés Belügyminisztérhez. Tárgy: «Hírek Kárpátaljáról» (1940.01.17).
21. MNL OL. – F. K 149. – 221. cs. – 1940. – 8. t. – 5001-8000. alapszám. – Old. 110. – Hatarvideki m.kir. rendőrkapitányságnak (Ungvár) jelentés Belügyminisztérhez. Tárgy: «Hírek Kárpátaljáról» (1940.05.20).
22. MNL OL. – F. K 149. – 221. cs. – 1940. – 8. t. – 5001-8000. alapszám. – Old. 217-223. – M.kir. kassai 8. csendőrkerületi parancsnokságnak jelentés Belügyminisztérhez. Tárgy: «A kárpátaljai erdőincstár szolgálatában álló megbízhatatlan erdőőrök elbocsátása» (1940.05.18).
23. MNL OL. – F. K 149. – 221. cs. – 1940. – 8. t. – 5001-8000. alapszám. – Old. 341-342. – A m.kir. csendőrség nyomozó osztályparancsnokságnak jelentés Belügyminisztériumhoz (Közbiztonsági Osztály) (1940.01.11).
24. MNL OL. – F. K 149. – 221. cs. – 1940. – 8. t. – 5001-8000. alapszám. – Old. 77-78. – Hatarvidéki m.kir. rendőri kirendeltségnek (Ökörmező) jelentés Belügyminisztérhez. Tárgy: «Határszolgálat ellátása» (1939.12.18).
25. MNL OL. – F. K 149. – 221. cs. – 1940. – 8. t. – 5001-8000. alapszám. – Old. 24. – A m.kir. rendőrség szolyvai határvidéki kirendeltségének jelentés Belügyminisztériumhoz (Közbiztonsági Osztály). Tárgy: «Oroszországba történe kiszökések» (1939.11.27).
26. MNL OL. – F. K 149. – 226. cs. – 1941. – 1. t. – 5054-10000. alapszám. – Old. 645-646. – A m.kir. rendőrség ungvári kapitányságnak jelentés Belügyminisztérhez. Tárgy: «Kovay Leontin elleni ügy» (1939.08.09).
27. MNL OL. – F. K 149. – 226. cs. – 1941. – 1. t. – 5054-10000. alapszám. – Old. 781-782. – Határvidéki m.kir. rendőrkapitányságnak (Ungvár) jelentés Belügyminisztériumhoz (Közbiztonsági Osztály). Tárgy: «Bogosza Mihály megfigyelése» (1940.08.31).
28. MNL OL. – F. K 149. – 248. cs. – 1942. – 4. t. – 6001-14800. alapszám. – Old. 2. – Határvidéki m.kir. rendőrkapitányságnak (Ungvár) jelentés Belügyminisztériumhoz (Közbiztonsági Osztály). Tárgy: «Kovács Iván egyetemi hallgató a Nyilaskeresztes Párt keretében rutén népcsoport vezetője» (1942.05.27).
29. MNL OL. – F. K 149. – 248. cs. – 1942. – 4. t. – 6001-14800. alapszám. – Old. 5-21. – M. kir. rendőrség pécsi kapitánysága (Pécs) jelentés Belügyminisztériumhoz (Közbiztonsági Osztály). Tárgy: «Kovács Iván egyetemi hallgató megfigyelése» (1941.07.4).
30. MNL OL. – F. K 149. – 250. cs. – 1942. – 6. t. – 6001-12000. alapszám. – Old. 976-990. – Határvidéki m.kir. rendőrkapitányságnak (Ungvár) jelentés Belügyminisztériumhoz (Közbiztonsági Osztály). Tárgy: «Határvidéki m.kir. rendőrkapitányság és alárendelt kirendeltségek 1941. 4. negyedévi működéséről jelentés» (1942.01.12).
31. MNL OL. – F. K 149. – 250. cs. – 1942. – 6. t. – 6001-12000. alapszám. – Old. 1008-1025. – Határvidéki m.kir. rendőrkapitányságnak (Ungvár) jelentés Belügyminisztériumhoz (Közbiztonsági Osztály). Tárgy: «Határvidéki m.kir. rendőrkapitányság és alárendelt kirendeltségek 1941. 3. negyedévi működéséről jelentés» (1941.11.13).
32. MNL OL. – F. K 149. – 250. cs. – 1942. – 6. t. – 6001-12000. alapszám. – Old. 992-1007. – Határvidéki m.kir. rendőrkapitányságnak (Ungvár) jelentés Belügyminisztériumhoz (Közbiztonsági Osztály). Tárgy: «Határvidéki

- m.kir. rendőrkapitányság és alárendelt kirendeltségek 1942. I. negyedévi működéséről jelentés».
33. MNL OL. – F. K 149. – 251. cs. – 1942. – 6. t. – 12001. alapszámtól védig. – Old. 175-194. – Határvidéki m.kir. rendőrkapitányságnak (Ungvár) jelentés Belügyminisztériumhoz (Közbiztonsági Osztály). Tárgy: «Dr. Volosin Ágoston és társai előélete és magatartása» (1942.11.03).
34. MNL OL. – F. K 149. – 251. cs. – 1942. – 6. t. – 12001. alapszámtól védig. – Old. 141-142. – A m.kir. rendőrség ungvári kapitányságának jelentés Belügyminisztériumhoz (Közbiztonsági Osztály). Tárgy: «Az ukrán mozgalom» (1941.04.12).
35. MNL OL. – F. K 149. – 251. cs. – 1942. – 6. t. – 12001. alapszámtól védig. – Old. 154-155. – Határvidéki m.kir. rendőrkapitányságnak (Ungvár) jelentés Belügyminisztériumhoz (Közbiztonsági Osztály). Tárgy: «Nagykrajna megszervezésére irányuló tevékenység Kárpátalja területén».
36. MNL OL. – F. K 149. – 266. cs. – 1943. – 6. t. – Old. 834. – A m.kir. rendőrség munkácsi kapitányságának jelentés Belügyminisztériumhoz. Tárgy: «Hassai Anna tanárnő magyarellenes magatartása» (1943.01.04).
37. MNL OL. – F. K 149. – 266. cs. – 1943. – 6. t. – Old. 859-861. – M.kir. máramarosszigeti rendőrtanácsos a kirend. vezetőjének levele Belügyminisztériumhoz (1943.05.29).
38. Necze G. Kárpátalja az állambiztonsági jelentések tükrében / G. Necze // Kárpátalja 1938-1941. Magyar és ukrán történelmi közelítés / Szerk. C. Fedinec. – Budapest, 2004. – Old. 119-146.

РЕЗЮМЕ

НАЦІОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЕ ЖИТТЯ НАСЕЛЕННЯ ЗАКАРПАТТЯ У 1939-1944 рр. У СВІТЛІ ДОКУМЕНТІВ УГОРСЬКИХ ПОЛІЦЕЙСЬКИХ ОРГАНІВ

О. Г. Казак (Мінськ)

У статті розглядаються різні аспекти національно-культурного життя Закарпаття періоду угорського панування (1939-1944 рр.). Основним видом джерел є документи угорських поліцейських органів, виявлені у фондах Угорського національного архіву. Детально проаналізовано діяльність потенційно небезпечних для угорської влади елементів (українофілів, русофілів, комуністів та ін.).

Ключові слова: національно-культурне життя, Закарпаття, поліція, українофіли, русофіли.

SUMMARY

NATIONAL AND CULTURAL LIFE OF THE POPULATION OF TRANSCARPATHTHIA IN THE YEARS 1939-1944 IN THE LIGHT OF DOCUMENTS HUNGARIAN POLICE DEPARTMENTS

O. Kazak (Minsk)

The article discusses various aspects of national and cultural life of the Transcarpathia Hungarian domination period (1939-1944 years). The main type of sources are the documents of the Hungarian police forces, detected in the funds' of the «Hungarian National Archives». Detail analyzed activities potentially hazardous to the Hungarian authorities elements (Ukrainophiles, Russophiles, communists and others).

Keywords: national and cultural life, Transcarpathia, police, Ukrainophiles, Russophiles.